

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

О слове *карашеваться*

Среди свидетельств многовекового взаимодействия восточнославянских и тюркских народов особенно примечательно взаимообогащение словаря этих языков. Сфера культурного взаимодействия не ограничивалась лексическими заимствованиями, но и распространялась на многие области жизни этих народов. Например, посольский церемониал у русских князей и царей, вплоть до Петра I, «носил в полном, можно сказать, объеме татарский или вернее — азиатский характер» (Н. И. Веселовский. Татарское влияние на русский посольский церемониал в Московский период русской истории. СПб., 1911, стр. 11). Подтверждением сказанному может служить запись в «Царственной книге» под 1536 годом о приеме великим князем Иваном (будущим царем Иваном IV Грозным), жены Казанского хана Шигалея Фатмы-Салтан. Великий князь «молвил царице: *табуг-салам*, и с нею *карашевался*».

Табуг — слово тюркское и значит 'поклон', *салам* — слово арабское — 'привет'. По «Словарю русского языка» (1908) и по «Материалам для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, *карашеваться* — 'здороваться'. По «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера: «карашеваться — обмениваться приветствиями; XVII в. см.: Срезневский, I, 1197. Темное слово».

Известный русский исследователь истории и литературы Турции и Крыма В. Д. Смирнов по поводу толкования этого слова писал: «Филологи объясняют значение *карашеваться* в смысле 'приветствовать, целоваться'... У тюрков и татар вообще нет обычая при свидании целоваться... Глагол *карашеваться* или, ближе к корню, *коршеваться*, очевидно, выработан из турецко-татарского гла-

гола *кѳрмек*, *гѳрмек* 'видеть', от которого есть производная форма *кѳрушмек*, *гѳрѳшмек*, имеющая значение взаимного залога — 'видеться', но только уж никак не 'целоваться'» (Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, стр. 363, прим. 2).

Историк Востока Н. И. Веселовский в рецензии на названный выше труд В. Д. Смирнова в связи с истолкованием последним слова *карашеваться* заметил: «...если уж надо искать происхождение этого глагола в тюркском языке, то, по нашему мнению, не в *гѳрушмек* (видеться), а скорее в *карышмак* (быть напротив), так как обряд состоит в пожатии руки» (ЖМНП, часть ССLXI, январь, 1889, стр. 178).

Невозможно предположить, чтобы часть церемониала приема восточных послов, обозначаемая словом *карашеваться*, заключалась в рукопожатии. Пожатие руки как акт приветствия появился значительно позднее, уже в Петровское время. Из довольно многочисленных упоминаний в исторических документах о *карашевании* можно сделать вывод, что этим словом обозначалась беседа (расспросы о здоровье) принимающего лица с послом или каким-либо высоким гостем из азиатских стран.

Наряду с формой *карашеваться* встречается также *корошеваться*: «... а в столовых сѳнях у дверей встретил царя Шиг-Алея сам государь і великий князь Иван Васильевич всеа Русіи, і с царем Шиг-Алеем *корошевался* і шел с царем в ызбу» (С. А. Белокуров. О приездах в Москву и приемах здесь Казанского царя Шиг-Алея в 1552, 1556, 1558, 1562 и 1564 годах, стр. 2).

Глагол *корошеваться* зарегистрирован также в форме *хорошеваться*: «А царь і великий князь встретил царя Шиг-Алея в сѳнях, и с ним *хорошевался* і о здоровье спрашивал» (там же); «А как [посол] впол в палату и дѳяки, встав с ним *хорошевались* и спрашивали о здоровье» (Н. И. Веселовский. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях).

Как сам ритуал, так и обозначающие его слова восходят к тюркской (восточной) традиции приема послов. *Карашеваться* происходит от татарского глагола *караш*- 'смотреть друг на друга', 'видеть друг друга издалека' (В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899, том II, стлб. 163); в современном татарском языке *караш-у* 'переглядываться' (Татарско-русский словарь, 1966). По аналогии с глаголом *кѳрѳш-* (см. ниже) глагол *караш-* мог иметь значение 'беседовать', 'совещаться'.

Глагол *караш-* в указанном выше значении известен только татарскому (по-старому: казанско-татарскому) языку, которому в крымско-татарском и турецком языках соответствует глагол *кѳруш-/гѳрѳш-* 'видеться', 'встречаться', 'беседовать'.

Хорошеваться как параллельная форма к слову *корошеваться* могла возникнуть по законам русской фонетики: безударный гласный *a* (*кашеваться*) передан через букву *o* (*корошеваться*); переход тюркского начального *k* (*корошеваться*) в *x* (*хорошеваться*) мог произойти как под воздействием русского языка, так и под влиянием известного фонетического явления в самих тюркских языках: крымско-татарское *xara* из *кара* 'черный' (М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 131—132).

Указанное слово в форме *хорошеваться* в сознании русских могло связываться с прилагательным *хороший*, которое значительно старше глагола *хорошеваться* (из *кашеваться*) и которое пока не получило убедительного этимологического истолкования (см.: Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 362—363).

Еще раз о «Бабе-Яге»

Таким именем обозначается с детства всем известный персонаж волшебных сказок; разъяснением состава второй части этого сложного имени занимались многие этимологи, которые почти единодушно признают исконно славянское происхождение имени и связывают его с глаголом *язать*, 'кричать', 'шуметь', 'бушевать', 'браниться' (В. Даль. Толковый словарь, см. еще: М. Vasmer. Russisches Etymologisches Wörterbuch. Dritter Band. Heidelberg, 1958).

Не претендуя на внесение нового в этимологическое разъяснение состава этого слова, хочу лишь напомнить об одной забытой попытке его истолкования.

В середине прошлого столетия известный востоковед И. Н. Березин (Шейбаниада. Казань, 1849, стр. 49) высказывал предположение, что «название Бабы-Яги в русских сказках, очевидно, происходит от монгольского слова *эка* 'мать'. В тюркском языке существует слово *яги* 'враг', 'неприятель', и наш арабист г-н Холмогоров считает его первообразом для прозвания сказочной Яги, но благотельно-карательный характер этого лица противоречит такому производству и прямо указывает на монгольское *эка*, да притом у древних монголов слово *эка* придавалось к божествам женского рода... В монгольских обращениях к духам также встречается слово *эка* в прибавлении к именам духов» (ср.: М. Фасмер. Этимологический словарь).

К сказанному И. Н. Березиным следует добавить, что монгольскому *эка* 'мать' в том же значении в бурятском соответствует *эла*,

а в тюркских языках *enđ* 'старшая сестра', 'тетя' (Древнетюркский словарь) ударение на последнем слоге. Если согласиться с предположением И. Н. Березина — *яга* < *эка* || *эхэ* (что фонетически вполне приемлемо), то слово *яга* следует рассматривать как глоссу к слову *баба*, которое известно как в славянских, так и в тюркских языках: неизвестное слово объяснялось через известное.

Воздействие фольклора восточных народов на русские былины было предметом специального изучения В. В. Стасовым («Происхождение русских былин»), который приводит убедительные доказательства того, как восточные мотивы глубоко проникали в ткань русских былин.

Чужое, неизвестное и необычное по звучанию слово *яга* в сочетании со своим, всем известным словом *баба* придавало всему словосочетанию особую окраску чего-то таинственного, неизвестного, а потому страшного и зловещего, что являлось точной характеристикой этой сказочной персоны.

Член-корреспондент АН СССР
А. Н. КОНОВ